

УДК 140.8 (045)

*О.В. Соколова***САМООПРЕДЕЛЕНИЕ МЫШЛЕНИЯ В СТРУКТУРАХ КОНЦЕПТА Ж. ДЕЛЕЗА**

В современном прагматичном мире философия утрачивает свою «актуальность». Наличие «здорового смысла», господствующего в повседневности, вполне хватает современному массовому индивиду для удовлетворения своих потребностей. Философское знание становится «неудобоваримым» и абсолютно бесполезным в эпоху функционирования антропологических машин. Мышление оказывается избыточным по отношению к действительности, а человеческое существование лишается смысла. Но возможен ли человек, полностью утративший способность мыслить? Залогом собственно человеческого существования, конечно же, является язык. Однако языка недостаточно для того, чтобы сохранить мышление. Мышление должно открыться человеку, как и человек должен быть в состоянии открытости мышлению. Существует единственный способ «вхождения» в пространство мышления – диалог. Диалог как диалог с Другим в качестве Иного, Другого, Чужого. Другой является способом конституирования мира за границами собственного существования. За пределами существования может находиться только Ничто. Это и есть прыжок в мышление, в пространство бесконечной абсолютной субъективности, требующей смысла. Именно здесь и разворачивается мышление как создание концептов.

Ключевые слова: мышление, философия, концепт, Другой, со-бытие, конфигурация, смысл, имманенция, складка, докса.

Мышление, которое сегодня оказывается под вопросом, всегда «имело место» быть. Этим местом становилась философия, которая и конституировала мышление разными способами. Поэтому, задаваясь вопросом сущности мышления, мы непосредственно обращаемся к вопросу о сущности философии. Делез, как истинный философ, осознает опасность постановки вопроса: «Что есть философия?». Любой ответ может обернуться объективацией философии, что является ее концом. Он утверждает, что философия – это ни созерцание, ни рефлексия, ни коммуникация. Философия – не созерцание потому, что созерцание объективирует вещь и, собственно, сводится к ней. Философия – не рефлексия, потому что размышления о чем-то, например, о математике или об искусстве, не дождаются философии. Философия также не коммуникация, потому что она «работает» в этом случае с мнениями, где можно максимум достичь только консенсуса. Дискуссия не порождает концептов. Созерцание, рефлексия и коммуникация – это способы создания универсалий, которые объясняют мир. Но уже Хайдеггер отмечал, что «метафизика» в качестве универсальной науки достигла своего предела. Философия в этом случае предьявлялась в качестве либо объективного идеализма, либо субъективного. Но нужно понимать, что любые универсалии превращаются в догмы и требуют бесконечного господства. Философия в этом случае вообще исчезает.

Определение философии Делез дает в глагольных формах, которые помогают избежать объективации и сохранить бесконечность движения. «Философия – это искусство формировать, изобретать, изготавливать концепты» [1. С. 6]. Однако сама форма ответа предполагает некое утверждение, а утверждение – это остановка дискурса, поэтому, чтобы философия сохранялась как вопрошание, нужно сохранить восприимчивость ответа к вопросу. Эту восприимчивость можно сохранить только благодаря сохранению субъективности в концепте «друга». «Друг» здесь выступает в качестве Другого, который и является залогом бесконечного движения дискурса. Поэтому греки «окончательно зафиксировали смерть Мудреца и заменили его философами, друзьями мудрости, которые ищут ее, но формально ею не обладают» [1. С. 7]. Понятие «другого» становится условием мышления. Высшей степенью проявления «дружбы» является «дружба» Философа с концептом. Это и есть диалог с самим собой, который открывает пространство мышления.

«Другой» является не просто субъектом или объектом. Всё начинается с некоего «наличествования» мира, который просто есть «как он есть». Поскольку реальный мир «определен», постольку он о-пределен. Возникает граница, которая провоцирует вопрос: «Что за ней находится?». Этот вопрос открывает возможность существования другого мира, но этот мир по отношению к реально-существующему – «ничто». Это «ничто» существует как «Другой мир». Поскольку «ничто» – это всего лишь понятие, постольку мы попадаем в пространство языка. Язык – это чистая субъективность. Мы оказываемся в пространстве мышления. Мышление бесконечно, оно открывает возможность предьявления бесконечного множества концептов. Итак, Другой становится началом творчест-

ва концепта. «Достаточно, к примеру, Другого, чтобы любая длина сделалась возможной глубиной в пространстве и наоборот, так что если бы в перцептивном поле не функционировал этот концепт, то любые переходы и инверсии были бы непостижимы, и мы бы все время натывались на вещи, поскольку не осталось бы ничего возможного» [1. С. 25]. Творчество концептов – это способ разворачивания субъективности. Кстати, поэтому любой концепт имеет подпись.

Поскольку концепт – это бесконечное пространство мышления, постольку концепт множественен. Он интерконцептуален, так как отсылает нас к другим концептам, «не только в своей истории, но и в своем становлении и в своих нынешних соединениях» [1. С. 25]. Составляющие концепта определяют «консистенцию» концепта. Эти составляющие находятся в некоторых отношениях. То есть сам концепт нетелесен, но осуществляется в телах. Однако с этими телами он не совпадает, он лишен пространственно-временных координат. Концепт имеет лишь «интенсивные ординаты». Что это означает? Составляющие концепта есть понятия, но концепт не есть сущность (понятия) или вещь (которую означает это понятие), концепт – это чистое Со-бытие, это то, что находится и конституирует «между» составляющими концепта. «Концепт определяется как неделимость конечного числа разнородных составляющих, пробегаемых некоторой точкой в состоянии абсолютного парения с бесконечной скоростью» [1. С. 28]. Что парит над разнородными составляющими? Парит – мысль! Мысль парит над языковыми сущностями и придает им смысл. Это «парение» концепта автореферентно, оно одновременно полагает само себя и свой объект. Тогда концепт перестает быть дискурсивностью, потому что концепт – это не последовательное выстраивание рядов во времени, а предъявление всех множественностей в одновременности. «Концептам незачем быть последовательными» [1. С. 30]. В этой непоследовательности, в этих бесконечных конфигурациях множественностей заключена бесконечная творческая энергия концепта. Вследствие того, что сопричастность составляющих концепта как граница всегда подвижна, она изменяет саму себя посредством создания новых конфигураций. Область *ав* будет порождать сущность *с*, которое автоматически организует новые сочленения *са*, *св*, *вс*, *ас*. Концепт всегда вынесен в будущее. «Концепт – это контур, конфигурация, констелляция некоторого будущего события» [1. С. 40].

Способность творить концепты принадлежит собственно Философии. Философия есть, по сути, место концептов, это некий «планомен». Философия – это конструирование, которое включает в себя как создание концептов, так и начертание плана. План – абсолютно беспределен и бесформенен. План имманенции – это образ, но образ – это некая обрамленная пустота, которая готова стать фактичностью. Это Ничто, которое и является абсолютной субъективностью мышления, уже всегда существующей и знающей себя. Сама бесконечность мысли лишена пространственно-временных координат. Это есть абсолютное движение, поток, который всегда уже-есть, и он всегда-уже-бытийствует. Поэтому «мыслить» и «быть» – это одно и то же. Здесь и возникает «делезовская складка», «сгиб», который касается мышления и существования, *Physis* и *Nous*. Концепты являются некой объективацией этого потока мышления. Они и предъявляют смыслы, схватывают их. «На самом же деле элементы плана суть диаграмматические черты, тогда как концепты – интенсивные черты. Первые представляют собой движения бесконечности, вторые же – интенсивные ординаты этих движений, как бы оригинальные сечения или дифференциальные положения; это конечные движения, бесконечность которых только в скорости и которые всякий раз образуют поверхность или объем, некий неправильный контур, ставящий предел разрастанию. Первые суть абсолютные направления, по природе своей фрактальные, вторые же – абсолютные измерения, поверхности или объемы, которые всегда фрагментарны и определяются интенсивно. Первые являются интуициями, вторые – интенционалами» [1. С. 48-49].

Задача концепта – придать консистенцию, не утрачивая бесконечности имманентности. Каждый концепт есть некоторое разворачивание трансцендентности в имманентности, бесконечного в конечном, бытия в со-бытии. Бесконечность предъявляется как чистая актуальность в настоящем времени, которая выражается в становлении. Это настоящее движется сразу во всех направлениях в каждой точке имманенции. Это движение абсолютно свободно, так как оно неопределенно, следовательно, ничем не ограничено. В каждой и из каждой точки движение создает сеть, некий лабиринт, набросок «образа». Бытие начинает само себя структурировать, или самоопределяться. Это и есть бытийствование философии. Философия проговаривает саму себя бесконечным множеством способов. Это говорение имеет смысл, так как язык принадлежит мыслящему субъекту.

Однако здесь и возникает вопрос, а где, собственно, смысл? Смысл – это бестелесная, сложная, нередуцируемая сущность на поверхности вещей. «Это ни слово, ни тело, ни чувственное представле-

ние, ни рациональное представление» (стойки). (В «Алисе в стране чудес»: снарк – у него нет ни физического, ни ментального существования. Снарк – слово-бумажник: shark + snake, акула + змея). Смысл как бы развернут одной стороной к вещам, а другой – к предложениям. Но он не сливается ни с теми, ни с другим. Со-бытие и есть смысл как таковой: между! Со-бытие принадлежит языку, язык – это то, что высказывается о вещах.

Событие наличествует в языке, но оживает в вещах. Граница между языком и вещью не сшивает их и не воссоединяет, она скорее является артикуляцией их различия: тело/язык. Язык как «поток» речи непрерывно скользит по своему референту. Становление или событие не терпит никакого разделения на прошлое и будущее, это всегда движение, растягивание в двух смыслах – направлениях. Алиса (Кэрролл) всегда движется в двух направлениях: «Каким путем, каким путем?». Событие снимает самотождественность языка. Личное Я всегда нуждается «в мире и Боге». (Алиса теряет собственное имя). Это суть парадокса. Смысл не в бытии, он сверх-бытиен, то есть в небытии. Причем он возможен как утверждение, так и как отрицание (улыбка чеширского кота). Смысл – это всегда двойной смысл. Он исключает возможность «здорового смысла». Событие обитает в предложении, с одной стороны, с другой – в положении вещей. Это парадоксальная ситуация. Предложения, обозначающие несовместимые объекты, могут иметь смысл (парадокс Мейнонга).

Как считает Бергсон, мы не переходим от звуков к образам и от образов к смыслу: мы «с самого начала» помещены в смысл. Смысл всегда предполагается, как только я начинаю говорить. Но как только Я начинаю говорить, смысл ускользает от меня в процессе обозначения нечто. Ускользающее нечто мы пытаемся снова обозначить, но смысл по-прежнему ускользает, отсылая к бесконечному числу означаемых: n_1, n_2, n_3 . Такое бесконечное размножение вербальных сущностей известно как парадокс Фреге. Или пример встречи Алисы с Рыцарем: «Рыцарь объявляет название песни, которую собирается спеть: «Заглавие этой песни называется Пуговицы для сюртуков». «Вы хотите сказать – песня так называется? – спросила Алиса, стараясь заинтересоваться песней. – Нет, ты не понимаешь, – ответил нетерпеливо Рыцарь, – это заглавие так называется. А песня называется «Древний старичок». – Мне надо было спросить: это у песни такое заглавие? – поправились Алиса. – Да нет! Заглавие совсем другое. С горем пополам. Но это она только так называется! – А песня это какая? – спросила Алиса в полной растерянности. – Я как раз собирался тебе это сказать. Сидящий на стене! Вот какая это песня!». Алиса – это история орального регресса.

Означаемое никогда не является смыслом как таковым. Означаемое – это понятие. Означающее – это со-бытие. Означающим является и всё предложение, которое содержит в себе отношения и денотации, и сигнификации, и манифестации. Между означающим и означаемым всегда остается несоответствие. Означающее всегда избыточно, а означаемое имеет естественный недостаток. Означаемое как бы утопленное, это значимость, «лишенная сама по себе смысла» (Леви-Стросс). Но всегда есть нехватка, или пустое место для «плавающего» означающего. Означаемое – это «место без пассажира». Каким образом означаемое и означающее коммуницируют между собой? Через пустое место.

Что такое пустое место? Точка. Ноль. Это точка оборачиваемости структуры. Это точка сгиба. Точка или сингулярность доиндивидуальна, нелична, аконцептуальна. Сингулярность нейтральна. Это точка перехода от означаемого к означающему и наоборот. Означающее как событие идеально. Означаемое как осуществление в положении вещей – реально. Различие находится между событием и происшествием. Парадоксальный элемент, связывающий слово и вещь, должен обладать двумя сторонами. Две стороны не должны совпасть, иначе движение прекратится. Следовательно, этот элемент не может со-впасть с самим собой.

Смысл всегда на границе между означаемым и означающим. Смысл – это поверхностный и позиционный эффект, производимый циркуляцией пустого места по сериям данной структуры. Нонсенс – это то, что не имеет смысла, но дарует смысл. Смысл бесконечно производится, он принадлежит поверхностному эффекту. Поверхность есть его измерение.

Язык парадоксален. Парадокс противостоит доксе. Докса – это имя, наличие здравого смысла. Здравый смысл высказывается в одном направлении. Здравый смысл измеряется прошлым, настоящим и будущим. Распределение здравого смысла – это оседлое распределение. «В целом здравый смысл – нечто пережигальное и пищеварительное, нечто агрикультурное, неотделимое от аграрных проблем, от огораживаний и от жизни среднего класса, разные части которого, как считают, уравнивают и регулируют друг друга. Паровая машина и домашний скот; свойства и классы – вот жи-

вительные источники здравого смысла» [2. С. 100]. Здравый смысл выполняет роль сигнификации, но лишен смысла. Вернее, он задает общий принцип единственно возможного смысла.

Общезначимый «смысл» относится не к направлению, а к органу, который является совокупным единством Я, способного сказать «Я». Язык невозможен без «Я». Я существует в настоящем, в Хроносе. Общезначимый смысл способен отождествляться с Тем же Самым, то есть это способность коммуникации. Парадокс находится между здравым и общезначимым смыслом. Парадокс между умопомешательством и непредсказуемым.

Смысл производит те самые положения вещей, в которых он воплощается, и то, что он сам производится этими положениями вещей, действиями и страданиями тел. Смысл предполагает наличие до-индивидуального, до-событийного, трансцендентального поля, в котором разворачивается Смысл.

Итак, философия это и есть, собственно, пространство мышления. Мышление самопредставляется и саморазворачивается через точку мыслящего субъекта, «Я» говорящего, «Я», производящего концепты. Философия – это бесконечное повествование философии о самой себе, это бесконечная презентация мышления, это неограниченное бытийствование языка и смысла. Философия никогда не закончится, как и само мышление. Сегодня, как отмечает Делез, говорят о «крахе философских систем», или о конце философии, но на самом деле конца философии быть не может, может меняться лишь концепт системы Человек необходимо должен производить усилие, чтобы остаться в границах смысла. В противном случае его существование сведется к существованию вещи. Для сохранения собственно человеческого необходимо всегда оставаться в состоянии диалога с Другим, как возможностью открытия пространства абсолютной субъективности мышления.

* * *

1. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М.: Академический Проект, 2009. 261 с.
2. Делез Ж. Логика смысла. М.: Издательский Центр «Академия», 1995. 302 с.

Поступила в редакцию 07.11.16

O.V. Sokolova

SELF-DETERMINATION OF THINKING IN THE STRUCTURES OF THE CONCEPT OF GILLES DELEUZE

In today's pragmatic world philosophy loses its "relevance". The presence of "common sense" prevailing in everyday life is enough for the modern mass individuals to meet their needs. Philosophical knowledge becomes "hard to swallow" and totally useless in the era of the functioning of anthropological machines. Thinking is excessive in relation to reality and human existence loses its meaning. But is man possible if he has completely lost the ability to think? The key fact of human existence, of course, is language. However, language is not enough to keep thinking. Thinking must open up to man, just as man must be in a state of being open to thinking. There is only one way to enter into the space of thinking – dialogue. Dialogue as a dialogue with Others as Different, Other, Alien. The other is a way of constituting the world beyond the borders of one's own existence. Outside existence there can be only Nothing. This is a jump into thinking, into the space of infinite absolute subjectivity requiring a sense. It is here that thinking unfolds as the creation of concepts.

Keywords: thinking, philosophy, concept, Another, coexistence, configuration, meaning, immanence, fold, doxa.

Соколова Ольга Владимировна,
кандидат философских наук, доцент кафедры
философии и гуманитарных дисциплин
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 6)
E-mail: yandelf@yandex.ru

Sokolova O.V.,
Candidate of Philosophy, Associate Professor
at Department of Philosophy and Humanities
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/6, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: yandelf@yandex.ru